

УДК: 159.9.072
doi: 10.11621/vsp.2021.01.02

ФЕНОМЕН ОБЫДЕННОГО САДИЗМА

Ю.А. Атаджыкова, С.Н. Ениколопов*

Научный центр психического здоровья, Москва, Россия.
Для контактов*. E-mail: enikolopov@mail.ru

Актуальность. В настоящее время в зарубежных исследованиях активно исследуется понятие «обыденного садизма». Изучение предлагаемой субклинической формы садизма вносит значимый вклад в исследование «темных» личностных черт, объединенных в понятие Темной триады, а также связанных явлений, таких, как агрессия, антисоциальное поведение, жестокость и др. Активная разработка инструментов измерения садистических черт позволяет изучать как внешние проявления садизма, так и его основополагающие механизмы.

Цель. Обзор современных отечественных и зарубежных исследований, посвященных изучению обыденного садизма и его связей с релевантными конструктами.

Метод. Анализ актуальных исследований, посвященных современным представлениям о новой формализации феномена садизма и обзор основных англоязычных инструментов измерения садистических черт.

Результаты. Феномен садизма уже многие десятилетия находится в фокусе внимания исследователей и был концептуализирован в различных формах: от нарушения влечений до расстройства личности. Сегодня все чаще используется понятие «обыденный садизм», раскрывающее значение садистических черт вне клинического контекста. В большом количестве работ показана правомерность существования этого конструкта; активно изучаются его формы и внешние проявления (прямой/опосредованный, вербальный/невербальный садизм), исследуются возможные психологические механизмы проявления садизма в повседневной жизни и его связи с другими релевантными явлениями (агрессией, типами аффекта и др.). Одно из центральных мест в дискуссии занимает проблема потенциального включения обыденного садизма в Темную триаду личностных черт. К настоящему моменту на английском языке разработан ряд надежных методик измерения садистических тенденций, некоторые из которых позволяют анализировать и структурные характеристики этого феномена.

Заключение. Социальная значимость феномена обыденного садизма обуславливает интерес исследователей к изучению как его внешних проявлений, так и психологических механизмы его формирования. Разработка и/или адаптация инструмента оценки субклинических садистических тенденций откроет новые пути исследования обыденного садизма и связанных конструкторов.

Ключевые слова: Темная триада, садизм, обыденный садизм, антисоциальное поведение, психопатия, агрессия.

Для цитирования: Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н. Феномен обыденного садизма // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 38–56. doi: 10.11621/vsp.2021.01.02

Поступила в редакцию: 22.06.2020 / Принята к публикации: 23.08.2020

THE PHENOMENON OF ORDINARY SADISM

Julia A. Atadzhikova, Sergey N. Enikolopov*

Mental Health Research Center, Moscow, Russia.

Corresponding author*. E-mail: enikolopov@mail.ru

Background. Currently, foreign researchers are actively developing the notion of “ordinary sadism”, and a new concept of ‘everyday sadism’ is being developed. The study of the proposed subclinical form of sadism makes a significant contribution to the study of “dark” personality traits united in the concept of the Dark Triad, as well as related phenomena such as aggression, antisocial behavior, cruelty, etc. The active development of tools for measuring sadistic traits makes it possible to study both the external manifestations of sadism and its fundamental mechanisms.

Objective. The review of the modern Russian and foreign studies in the field of everyday sadism and its link with some relevant phenomena.

Design. An analysis of current research on modern ideas about the new formalization of the phenomenon of sadism and an overview of the main English-language tools for measuring sadistic traits.

Results. The phenomenon of sadism has been in the focus of attention of researchers for many decades and has been conceptualized in various forms: from impairment disorders to personality disorders. Today, the term “ordinary sadism” is increasingly used, revealing the meaning of sadistic traits outside the

clinical context. A large number of studies show the legitimacy of the existence of this construct. Its forms and external manifestations (direct / indirect, verbal / non-verbal sadism) are being actively studied. Possible psychological mechanisms of manifestation of sadism in everyday life and its connection with other relevant phenomena (aggression, types of affect, etc.) are being investigated. The question of potential inclusion of everyday sadism in the Dark triad of personality traits occupies a central place in the scientific debate. Furthermore, several valid measures of sadistic traits have been developed, some of which also allow the analysis of the structure of this phenomenon.

Conclusion. The social relevance of everyday sadism determines the interest of many researchers in the study of its outward manifestations as well as its psychological mechanisms. The development and/or adaptation of the measure of sadistic tendencies is bound to open new ways of studying not only sadism per se, but also various related phenomena (e.g., dark personality traits, aggression, antisocial behavior, etc.).

Keywords: *Dark Triad, sadism, ordinary sadism, antisocial behavior, psychopathy, aggression.*

For citation: Atadzhykova, J.A., Enikolopov, S.N. (2021) The phenomenon of ordinary sadism. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, 1, P. 38–56. doi: 10.11621/vsp.2021.01.02

Received: June 22, 2020 / Accepted: August 23, 2020

Введение

В настоящее время в психологии ведутся дискуссии относительно определения и структуры феномена садизма, и поиски возможных механизмов развития садистических тенденций. Базовое содержание садизма всегда включало в себя элемент получения удовольствия от страданий других (APA, 1987; Meloy, 1997; Baumeister et al., 1999; O’Meara et al., 2011; Крафт Эббинг, 2013). Более узкое понятие сексуального садизма получило свое развитие как самостоятельный феномен в отечественной и зарубежной психологии и психиатрии (Ткаченко, 1999; Brown, 2018; Vixby et al., 2019). В последние годы субклинические формы садизма рассматриваются наряду с другими смежными феноменами — психопатией, нарциссизмом и макиавелизмом, — которые в современной психологии объединены понятием *Темная триада* личностных черт, разработанным в результате

исследования наиболее социально аверсивных, или неприемлемых обществом, так называемых «плохих характеров» (англ. *bad characters*, с. 199, Furnham et al., 2013; Paulhus, Williams, 2002). В настоящее время наблюдается тенденция к расширению конструкта садизма в форме выделения так называемого «обыденного садизма» (англ. *'everyday sadism'*) (Buckels et al., 2013).

Садизм и его формы

Исследование феномена садизма как такового берет начало в работах, посвященных его конкретной форме — сексуальному садизму. Главным образом сексуальный садизм исследован в рамках тяжелых насильственных преступлений и является расстройством, при котором индивид получает удовольствие от причинения боли и/или страданий другим, и/или от их унижения (Davies, O'Meara, 2007; Kirsch, Becker, 2007). В официальном руководстве DSM-V сексуальный садизм определен как парафилия, или расстройство влечения (APA, 2013). Неудивительно, что часто этот феномен наблюдается у индивидов, также обладающих рядом связанных характеристик, таких, как, например, психопатия (Mokros, et al., 2011). Реализация садистических сексуальных фантазий является одним из основных источников мотивации при сексуальных убийствах (Beech, et al., 2005). Можно говорить о достаточной степени разработанности понятия сексуального садизма и в отечественной науке, а именно — в области судебной сексологии (Ткаченко и др., 2001). Сексуальный садизм рассматривается авторами как парафилия, а в психопатологическом подходе выделяется в числе прочих такой критерий формальной характеристики поведения, как процессуальность: так, садизм чаще всего характеризуется качествами незавершенности и пролонгации (значимости как такового поиска объекта и «намеренным продлением осуществляемых действий» (там же, с. 179). Авторами также рассматриваются особенности когнитивного и эмоционального восприятия образа другого; аффективная фиксированность на значимых переживаниях и др., что имеет неоспоримую ценность для исследования поведения и эмоционально-личностной сферы сексуальных преступников. Исследование сексуального садизма в рамках судебной психиатрии и криминологии активно продолжается (Ткаченко, 1999; Ткаченко и др., 2002; Артемьева, Классен, 2016), однако эти данные не всегда представляется возможным экстраполировать на проявления садистических тенденций без сексуального содержания.

Садистическое расстройство личности было включено в третью редакцию официального руководства по психическим расстройствам DSM-III-R (DSM-III-R; APA, 1987), однако в связи с проблемами потенциального злоупотребления в системе правосудия в дальнейшие выпуски DSM эта категория не вошла, что вызвало критику со стороны некоторых авторов, занимающихся проблемой садизма (Melo, 1997). Следует отметить, что диагностические критерии включали в себя причинение другим не только физической боли, но психологического страдания (например, унижение или запугивание), а также «завроженность жестокостью или пытками», что допускает наличие садистического расстройства личности при отсутствии соответствующего поведения в реальности.

В связи с тем, что в один момент садизм прекратил свое существование в рамках одноименного расстройства личности, он неизбежным образом приобрел новую форму: садистической личности, находящейся на спектре вариативности черт нормальной личности и, таким образом, представляющую собой явление обыденного садизма как такового. Г. Шаброль и коллеги определяют садистическую личность, основываясь на представлениях К. Хорни и Д. Шапиро, как центрированную на желании унижать, или иметь безграничную власть и контроль над другим индивидом, или на удовлетворении, получаемом из страданий других (Melo, 1992; Chabrol, et al., 2011; Хорни, 2008). Подобное определение было подтверждено в результате исследований, проведенных и другими авторами (Davies, O'Meara, 2007). В представлениях современных авторов, исследующих проблему садизма, этот феномен в широком контексте определяется как «удовольствие от жестокости» (Buckels, 2018, p. 1). Подчеркивается, что садизм не является дискретной категорией, а представляет собой располагающуюся на континууме черту. В этом смысле садизм может не иметь сексуального или криминального контекста, и подчиняется законам нормального распределения в общей популяции (Paulhus, Dutton, 2016; Buckels, 2018). В связи с увеличением количества исследований, посвященных проявлениям садизма вне клинического контекста, и признанием их «укрепления» в обыденной жизни, ряд авторов предполагают существование врожденной готовности к получению удовольствия от чужих страданий. Они указывают на адаптационную значимость садистических склонностей (Nell, 2006), однако эта гипотеза положила начало обширной дискуссии в научном сообществе, что поставило под сомнение возможность полного ее принятия (Bandura, 2006; de Aguirre, 2006).

В настоящее время изучение феномена обыденного садизма реализуется в ряде направлений. Группа исследователей в лаборатории Д. Польуса, где впервые был введен термин «обыденный садизм», использовала экспериментальный метод для выявления садистических тенденций в неклиническом контексте. Участникам эксперимента предлагалось поучаствовать в исследовании связей между личностными чертами и толерантностью к выполнению трудных/неприятных задач. Применение парадигмы «убийства жуков» позволило обнаружить, что испытуемые, отдавшие предпочтение исполнению роли истребителя насекомых (среди других предлагаемых задач значились уборка туалета, работа с ледяной водой и помощь истребителю насекомых), обнаружили наибольшую выраженность садистических черт и получали наибольшее удовольствие от выполнения задания (Buckels et al., 2013). В другом эксперименте испытуемым было предложено сыграть в игру с другим «участником» и в случае победы «нападать» на оппонента с помощью громких звуков, однако в условиях отсутствия аналогичного агрессивного ответа. Это создавало ситуацию отсутствия провокации, которая ранее изучалась в связи с «темными» чертами личности (Reidy et al., 2011; Mokros et al., 2011). Испытуемые, получившие высокие баллы по шкале обыденного садизма, были единственными, кто предпочел выполнить дополнительное скучное и энергозатратное задание только для того, чтобы получить возможность проявить агрессию. Они также обнаружили тенденцию увеличивать громкость звука при отсутствии агрессии со стороны оппонента (Buckels et al., 2013). Таким образом, было экспериментально подтверждено, что садистические личности склонны выбирать ситуации, позволяющие им проявлять агрессию, в том числе без какой-либо провокации, и получать удовольствие от этого.

Другие авторы исследовали возможные психологические механизмы обыденного садизма, выбрав в качестве опосредующего звена когнитивное (Pfattheicher et al., 2017). Было обнаружено, что при наличии задачи мыслить интуитивно («доверять своей интуиции» или «слушать свое сердце»), испытуемые с более выраженными садистическими тенденциями значительно чаще выбирали так называемое «антисоциальное наказание» для других участников эксперимента — то есть наказывали сотрудничающих с ними партнеров. Другие авторы, также учитывавшие переменную гендера в своем эксперименте, смогли частично воспроизвести эти результаты, но только для мужчин; они также обнаружили, что мужчины проявля-

ют бóльшую агрессию по отношению к женщинам, чем к мужчинам (Embrescia, 2018). Другие исследователи, изучавшие связь садизма и агрессии, также подтвердили, что садистические черты являются значимым предиктором агрессии, как с провокацией, так и без нее, вне зависимости от таких переменных, как общая агрессивность, импульсивность и др. (Chester et al., 2018). Интересно, что в своем исследовании авторы обратили внимание на один из ключевых компонентов садизма — получение удовольствия от причинения страданий другим, и измеряли у испытуемых выраженность и полюс аффекта до и после совершения агрессивного акта. В результате серии исследований было выявлено, что, несмотря на субъективно получаемое удовольствие во время совершения агрессивного акта, садизм значимо связан с негативным аффектом, измеренным уже после совершения акта агрессии, причем независимо от изначальной склонности садистических личностей испытывать более выраженный негативный аффект (Chester et al., 2018). С другой стороны, в ряде других исследований связь садизма и позитивного аффекта (в рамках переживания, позволяющего индивиду получить удовольствие от страданий других) подтверждается (например, при изучении связи обыденного садизма и предпочтения жестоких видеоигр (Greitemeyer et al., 2019), при использовании парадигмы «убийства жуков» (Buckels et al., 2013)). Подобная противоречивость существующих данных может быть частично объяснена применением различных экспериментальных парадигм (так, отсутствие позитивного аффекта было выявлено только в экспериментах, в которых предполагалось взаимодействие с другим человеком), но, безусловно, требует дальнейшего исследования.

Наконец, разработка понятия обыденного садизма подразумевает выделение конкретных форм проявления садистических черт в обыденной жизни. Проблема подобной категоризации частично решается в области операционализации конструкта, что будет обсуждаться далее. Кроме разработки мультифакторных методик, позволяющих измерить различные виды садизма (например, прямой и опосредованный; его вербальные и невербальные проявления), в ряде исследований фокусом внимания становится не обыденный садизм в целом, а его конкретные проявления и их связи с другими феноменами. В исследовании сексуальной агрессии авторы обнаружили, что только физический аспект обыденного садизма был значимо связан с враждебной маскулинностью и сексуальной агрессией и служил их предиктором, в то время как вербальная и опосредованная формы

обыденного садизма такой роли не обнаружили (Russell, King, 2016). Исследования вербального и опосредованного садизма проводятся в рамках изучения агрессии в интернете: было выявлено, что опосредованный садизм оказался наиболее сильно связан с феноменом кибербуллинга, в то время как вербальный садизм обнаружил тесные связи с троллингом в интернете (Buckels, 2018). В настоящее время теоретическая и эмпирическая ценность выделения различных форм обыденного садизма находится на этапе активного исследования и имеет большой потенциал для исследователей субклинического садизма.

Садизм — еще одна «темная» черта личности?

Ряд исследований, проведенных в последние годы, в том числе с использованием статистических моделей, подтверждает наличие фактора садизма наряду с психопатией, нарциссизмом и макиавеллизмом (Johnson et al., 2019). Особое внимание уделяется дифференцированию садистического и психопатического типа мотивации, поскольку из всех «темных» черт именно индивиды с выраженными психопатическими и садистическими чертам демонстрируют особо жестокое поведение и агрессию, в том числе в ситуации отсутствия провокации (Reidy et al., 2011). В целом, количество исследований, посвященных структуре потенциальной Темной тетрады, ее месту в структуре личности и связям с другими феноменами, в настоящее время активно увеличивается (Mededović, Petrovic, 2015; Johnson et al., 2018; Paulhus et al., 2018; Rogers et al., 2018).

В одном из последних исследований авторы анализируют фундаментальные мотивы социального характера, которые могут лежать в основе всех «темных» черт (Jonason, Zeigler-Hill, 2018). Предполагается, что «темные» личности характеризуются использованием быстрой жизненной стратегии с двумя базовыми целями: поиск партнера и стремление к статусу; а также склонны обесценивать аффилиативные мотивы (там же, с. 105). Кроме того, в своем исследовании черт Темной тетрады авторы указывают, что паттерны, выявленные для садизма, во многом повторяют наблюдаемые для психопатии и макиавеллизма, в связи с чем отмечают необходимость расширения круга исследуемых явлений и ситуаций для «темных» черт.

Ряд других исследований также предоставляют данные о возможной избыточности метаконструкта Темной триады/тетрады. В одной из последних метааналитических работ авторы указывают, что в на-

учном сообществе на данный момент сосуществуют конкурирующие взгляды на обоснованность включения обыденного садизма в Темную триаду (Muris et al., 2017). Так, некоторые новые исследования с помощью статистического анализа обнаруживают избыточность того или иного элемента Темной триады: например, макиавеллизма (Persson, 2019), или нарциссизма (Dinić, et al., 2019); в то время как другие авторы утверждают достаточность и всеобъемлемость Темной триады и, как следствие, отсутствие необходимости сужать или расширять этот метакопстракт (Book et al., 2015). Некоторые исследователи приходят к выводу, что копстракт «темных» черт имеет скорее диадическую структуру, в рамках которой нарциссизм выделяется как один фактор, а психопатия и макиавеллизм, не обнаружившие различия на уровне статистических критериев — другой (Rogoza, et al., 2018). Авторы предполагают, что выявляемые различия между психопатией и макиавеллизмом (Jones, Paulhus, 2017) существуют на поведенческом уровне, но могут не иметь подтверждения на более глубоких ступенях иерархического анализа.

Таким образом, включение копструкта обыденного садизма в Темную триаду на данный момент является предметом дискуссии, однако вне зависимости от концептуальной корректности включения садизма в Темную тетраду, явление обыденного садизма заслуживает отдельного внимания как самостоятельный копстракт ввиду своей связи с антисоциальным поведением, агрессией и другими клинически и социально значимыми явлениями.

Инструменты измерения садистических черт

Исследование феномена обыденного садизма в целом, и его основополагающих механизмов и различных существующих форм в частности, как указывают зарубежные авторы, занимающиеся этой проблемой, во многом ограничено недостаточностью методического инструментария (Russell, 2019).

Изначально исследования садизма как аспекта нормальной личности послужили толчком к разработке инструмента измерения садистических черт — Краткой шкалы садистических импульсов (КШСИ, SSIS; O'Meara et al., 2011), состоящей из 10 пунктов. В рамках апробации этой методики и изучения ее психометрических свойств было обнаружено, что пункты, описывающие спровоцированное и инструментальное причинение боли другим (например, мотивируемое гневом или подчиненное прочим целям), являются менее ценными индикаторами садизма с точки зрения диагностики и диф-

ференциации этого феномена от смежных. На основе этих данных исследователи предлагают более узкое определение *обыденного садизма*, описывая его как переживание удовольствия от физического, сексуального и/или психологического страдания другого, при этом подчеркивая, что истинный садизм имеет «аппетитивную» мотивацию (англ. *appetitive motivation*), в рамках которой жестокость и причинение боли являются самоцелью (Buckels, 2018).

Как и любая методика, КШСИ имеет ряд ограничений. Так, она включает пункты, связанные с агрессией, мотивированной гневом, а также желанием установить доминантность в отношениях, в то время как нельзя исключать возможность использования этих стратегий индивидами без садистических черт. Также эта методика предлагает лишь те ситуации, в которых индивид лично причиняет другим вред, однако, бесспорно, существуют и другие формы садизма.

Другой инструмент исследования садизма — Шкала оценки садистической личности (ШОСП, ASP; Plouffe et al., 2017), которая также представляет собой краткую шкалу, состоящую из 9 пунктов. Это позволяет успешно использовать ее в одном ряду с методикой Краткой темной триады (Jones, Paulhus, 2014; Егорова и др., 2015), шкалы которой также включают по 9 вопросов, что может потенциально разрешить проблему операционализации Темной тетрады (Plouffe et al., 2019). Тем не менее, содержательно пункты отражают в качестве мотивационного компонента не только удовольствие, но и доминирование, месть и опосредованное достижение других целей (например, «Я думаю о том, чтобы причинить страдание тем, кто меня раздражает»).

В связи с рядом обнаруженных ограничений существующих методик оценки садистических тенденций, в т.ч. их унидименсиональностью, группа исследователей в лаборатории В. Польуса за последние годы разработали новый инструмент — Опросник видов садистических тенденций (ОВСД, VAST; Paulhus, Jones, 2015), который позволяет оценить выраженность садистических тенденций по двум факторам: прямого и викарного (опосредованного) садизма. Хотя в настоящий момент роль викарного садизма остается недостаточно исследованной (Buckels, 2018), разработка новых, мультифакторных методик измерения садистических черт является, безусловно, важным шагом на пути к изучению обыденного садизма, в рамках которого садистические импульсы могут быть выражены неявным образом.

Наконец, новейшей разработкой в области измерения садистических черт, и первым истинно мультифакторным инструментом,

стала Всесторонняя оценка садистических черт (ВОСЧ, CAST; Buckels, 2013). Данный опросник был разработан на основе ОВСД Польуса и Джонса, однако наряду с факторами прямого и опосредованного садизма, эта методика также учитывает различия между вербальной и физической агрессией. Как в процессе апробации, так и в ряде последующих исследований была подтверждена психометрическая обоснованность этой методики, а также ее содержательная связь с некоторыми релевантными конструктами, в т.ч. чертами Темной триады, факторами Большой пятерки, различными видами антисоциального поведения, механизмом рационализации и т.д. (Amrhein, 2018; Buckels, 2018). Тем не менее, несмотря на хорошие психометрические показатели и данные о различных аспектах садизма, ВОСЧ, как и большинство методик измерения садистических черт, обнаруживает сильные связи с психопатией, что при углубленном изучении структуры «темных» черт и садизма (Buckels, 2018) может привести к смешению конструктов. Также требуются дополнительные исследования дискриминантной валидности субшкал ВОСЧ.

Заключение

В зарубежной литературе в последние годы все больше в фокусе внимания оказывается феномен *обыденного садизма* — понятие, которое описывает спектр проявлений жестокости в повседневной жизни в форме переживания удовольствия от физического, сексуального и/или психологического страдания другого. Предметом исследования становятся его внешние проявления и формы (прямой и опосредованный, вербальный и невербальный), его связи с релевантными конструктами (антисоциального поведения, агрессии, в т.ч. сексуальной, разных типов аффекта и др.), а также психологические механизмы его формирования. Другим актуальным вопросом в сфере исследования обыденного садизма является его потенциальное включение в Темную триаду личностных черт, однако на данный момент в литературе можно найти подтверждение обеим альтернативам, и эта проблема требует дальнейших исследований.

В отечественной психологии садизм главным образом исследуется в области судебной медицины и правовых наук (Ткаченко, 1999; Ткаченко и др., 2002), а также в социально-философском и даже филологическом направлениях (Волкова, 2012). «Темные» черты личности также активно исследуются отечественными авторами: в форме целостного метаконструкта Темной триады (Егорова и др.,

2015; Дериш, 2019), и как отдельные конструкты (Соколова, Чечельницкая, 2001; Егорова, 2009; Атаджыкова, Ениколопов, 2015). Однако нельзя не отметить, что феномену обыденного садизма уделено недостаточно внимания в русскоязычной психологической литературе. Наличие апробированных инструментов измерения нарциссических, макиавеллистических черт, конструкта Темной триады в целом, а также завершение апробации методики измерения психопатических черт К. Патрика, требует последовательного введения в арсенал русскоязычных инструментов и методик изучения садистических черт. Подобный инструментарий откроет новые пути изучения указанных конструктов — как их внешних проявлений и потенциально иерархических связей, так и основополагающих механизмов развития тех или иных эмоциональных, личностных и поведенческих особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н. Апробация методики диагностики психопатии К. Патрика на российской выборке // Психологическая наука и образование. 2015. Том 20. № 4. С. 75–85.

Артемьева Ж.Г., Классен М.А. Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2016. Т. 16. № 4, С. 7–12.

Волкова Я.А. Деструктивное общение: к определению понятия // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2012. № 2.

Дериш Ф.В. (2019) Половые особенности взаимосвязи Темной триады личности и эмоционального интеллекта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. № 3. С. 356–371.

Егорова М.С. Макиавеллизм в структуре личностных свойств // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Сер. 10. Дифференциальная психология. 2009. № 1/2. С. 65–80.

Егорова М.С., Паршикова О.В. Исследование структуры фактора Честность, Скромность из шестифакторного опросника личности НЕХАСО // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 56. С. 12.

Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43. С. 1.

Знаков В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 16–22.

Крафт Эббинг, Рихард фон. Половая психопатия. Книговек, 2013.

Соколова Е.Т., Чечельницкая Е.П. Психология нарциссизма. Учебно-методический коллектор Психология Москва, 2001.

Ткаченко А.А. Сексуальные извращения — парафилии. М., «Триада-Х», 1999.

Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М.: Медицина, 2001.

Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В., Яковлева Е.Ю. Амбарцумян Е.С. Сексуальные убийства. Агрессия и психическое здоровье / Под ред. академика РАМН Т.Б. Дмитриевой и профессора Б.В. Шостаковича. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. С. 224–253.

Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. Серия: Психологические технологии. Академический проект, 2008.

American Psychiatric Association (1987). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (3rd ed., rev.). Arlington, VA.

American Psychiatric Association. (2013). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (5th ed.). Arlington, VA.

Amrhein R.L. (2018). A psychometric investigation of the comprehensive assessment of sadistic tendencies (cast): Evidence from factor analysis and item response theory. Thesis. <http://hdl.handle.net/2142/101098>

Bandura A. (2006). A murky portrait of human cruelty. *Behavioral and Brain Sciences*, 29 (3), 225–227.

Baughman H., Dearing S., Giammarco E., & Vernon P. (2012). Relationships between bullying behaviours and the Dark Triad: A study with adults. *Personality and Individual Differences*, 52, 571–575.

Beech A., Fisher D., & Ward T. (2005). Sexual Murderers' Implicit Theories. *Journal of interpersonal violence*, 20, 1366–89.

Bixby K., White J., & Lester D. (2019). The Characteristics of Sexual Sadists. *Journal of Psychiatry and Behavioral Health Forecast*, 2, Article 1009.

Book A., Visser B., & Volk A. (2016). Unpacking Evil: Claiming the Core of the Dark Triad. *Personality and Individual Differences*, 101, 468.

Brown J. (2018). *Sexual Sadism Disorder: An Introduction for Mental Health Professionals*. *Forensic Scholars Today*, 4 (1).

Buckels E. (2012). *The Pleasure of Hurting Others: Evidence for Everyday Sadism*. Thesis. University of British Columbia.

Buckels E. (2018). *The Psychology of Everyday Sadism*. Dissertation. University of British Columbia.

Buckels E., Jones D., & Paulhus D. (2013). Behavioral Confirmation of Everyday Sadism. *Psychological science*, 24.

Chabrol H., van Leeuwen N., Rodgers R.F., & Gibbs J.C. (2011). Relations between self-serving cognitive distortions, psychopathic traits, and antisocial behavior in a non-clinical sample of adolescents. *Personality and Individual Differences*, 51 (8), 887–892.

Chester D., DeWall C. & Enjaian B. (2018). Sadism and Aggressive Behavior: Inflicting Pain to Feel Pleasure. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 45 (8), 1252–1268.

Davies J., & O'Meara A. (2007). 'I consider myself sadistic': A qualitative analysis of sadistic endorsement in a group of Irish undergraduates. *The British Journal of Forensic Practice*, 9, 24–30.

de Aguirre M.I. (2006). Neurobiological bases of aggression, violence, and cruelty. *Behavioral and Brain Sciences*, 29 (3), 228–229.

Dinić B., Wertag A., Tomasevic A., & Sokolovska V. (2009). Centrality and redundancy of the Dark Tetrad traits. *Personality and Individual Differences*.

Embrescia, E.E. (2018). Everyday Sadism and Antisocial Punishment in the Public Goods Game: Is There Evidence of Gender Differences?

Furnham A., Richards S., & Paulhus D. (2013). The Dark Triad of Personality: A 10 Year Review. *Social and Personality Psychology Compass*, 7, 199.

Greitemeyer T., Weiß N., & Heuberger T. (2019). Are everyday sadists specifically attracted to violent video games and do they emotionally benefit from playing those games? *Aggressive Behavior*, 45, 206–213.

Johnson L.K., Plouffe R.A., & Saklofske D.H. (2019). Subclinical sadism and the dark triad: Should there be a dark tetrad? *Journal of Individual Differences*, 40 (3), 127–133.

Jonason P., & Zeigler-Hill V. (2018). The fundamental social motives that characterize dark personality traits. *Personality and Individual Differences*, 132, 98–107.

Jones D.N., & Paulhus D.L. (2017). Duplicity among the dark triad: Three faces of deceit. *Journal of Personality and Social Psychology*, 113 (2), 329–342.

Jones D.N., & Paulhus D.L. (2014). Introducing the Short Dark Triad (SD3): A Brief Measure of Dark Personality Traits. *Assessment*, 21 (1), 28–41.

Kirsch L.G., & Becker J.V. (2007). Emotional deficits in psychopathy and sexual sadism: Implications for violent and sadistic behavior. *Clinical Psychology Review*, 27 (8), 904–922.

Mededović J. & Petrovic B. (2015). The Dark Tetrad. *Journal of Individual Differences*, 36, 228–236.

Meloy J.R. (1997). The psychology of wickedness: Psychopathy and sadism. *Psychiatric Annals*, 27 (9), 630–633.

Meloy J.R. (1992). Violent attachments. Jason Aronson.

Mokros A., Osterheider M., Hucker S.J., & Nitschke J. (2011). Psychopathy and sexual sadism. *Law and Human Behaviour*, 35 (3), 188–199.

Muris P., Merckelbach H., Otgaar H., & Meijer E. (2017). The Malevolent Side of Human Nature: A Meta-Analysis and Critical Review of the Literature on the Dark Triad (Narcissism, Machiavellianism, and Psychopathy). *Perspectives on Psychological Science*, 12 (2), 183–204.

Nell V. (2006). Cruelty's rewards: the gratifications of perpetrators and spectators. *Behavioral and Brain Sciences*, 29 (3), 211–257.

O'Meara A., Davies J., & Hammond S. (2011). The Psychometric Properties and Utility of the Short Sadistic Impulse Scale (SSIS). *Psychological assessment*, 23, 523–31.

Paulhus D.L., & Jones D.N. (2015). Jones Measuring dark personalities via questionnaire. Measures of personality and social psychological constructs. In G.J. Boyle, D.H. Saklofske & G. Matthews (Eds.). (pp. 562–594). San Diego, CA: Academic Press.

Paulhus D.L., & Dutton D.G. (2016). Everyday sadism. The dark side of personality: Science and practice in social, personality, and clinical psychology. In V. Zeigler-Hill & D. K. Marcus (Eds.). (pp. 109–120). American Psychological Association.

Paulhus D.L., & Williams K.M. (2002). The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism and psychopathy. *Journal of Research in Personality*, 36 (6), 556–563.

Paulhus D.L., Curtis S.R., & Jones D.N. (2018). Aggression as a trait: the Dark Tetrad Alternative. *Current Opinion in Psychology*, 19, 88–92.

Persson B.N. (2019). Searching for Machiavelli but finding psychopathy and narcissism. *Personality Disorders*, 10 (3), 235–245.

Pfattheicher, S., Keller, J., Knezevic, G. (2017). Sadism, the intuitive system, and antisocial punishment in the public goods game. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 43 (3), 337–346.

Plouffe R., Smith M., & Saklofske D. (2019). A psychometric investigation of the Assessment of Sadistic Personality. *Personality and Individual Differences*, 140, 57–60.

Reidy D.E., Zeichner A. & Seibert, L. (2011). Unprovoked Aggression: Effects of Psychopathic Traits and Sadism. *Journal of personality*, 79, 75–100.

Rogers K.H., Le M.T., Buckels E.E., Kim M., & Biesanz J.C. (2018). Dispositional malevolence and impression formation: Dark Tetrad associations with accuracy and positivity in first impressions. *Journal of Personality*, 86 (6), 1050–1064.

Rogoza R., Ciecuch J. (2018). Dark Triad traits and their structure: An empirical approach. *Current Psychology*.

Russell M.J. (2019). A Functional Perspective on Everyday Sadism. Thesis. The University of New Mexico. https://digitalrepository.unm.edu/psy_etds/276

Russell T.D., King A.R. (2016). Anxious, hostile, and sadistic: Maternal attachment and everyday sadism predict hostile masculine beliefs and male sexual violence. *Personality and Individual Differences*, 99, 340–34.

REFERENCES

Atadzhikova Yu.A., Enikolopov S.N. (2015). Testing K. Patrick Method of Psychopathy Diagnosis in Russian Sample. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 20 (4), 75–85. (*in Russ.*).

Artemèva Zh.G., Klassen M.A. (2016). Problems and Questions of Criminal Law, Criminal Process and Criminology. *Vestnik YuUrGU. Seriya Pravo (YuUrGU Bulletin. Law Series)*, 16. (4), 7–12. (*in Russ.*).

Volkova Ya.A. (2012). Destructive Communication: On the Definition of the Concept. *Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie (VolGU Bulletin. 2 Series: Linguistics)*, 2. (*in Russ.*).

Derish F.V. (2019). Gender Characteristics of the Interconnection between the Dark Triad Personality Traits and Emotional Intelligence. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya (Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology)*, 3, 356–371. (*in Russ.*).

Egorova M.S. (2009). Machiavellianism in the Structure of Personality Traits. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. 10. Differentsial'naya psikhologiya (Perm State Pedagogical University Bulletin. Series 10. Differential Psychology)*, 1/2, 65–80. (*in Russ.*).

Egorova M.S., Parshikova O.V. (2017). The structure of Honesty-Humility factor. *Psikhologicheskie issledovaniya (Psychological Studies)*, 10 (56), 12. (*in Russ.*).

Egorova M.S., Sitnikova M.A., Parshikova O.V. (2015). Adaptation of the Short Dark Triad. *Psikhologicheskie issledovaniya (Psychological Studies)*, 8 (43), 1. (*in Russ.*).

Znakov V.V. (2000). Machiavellianism: A Psychological Characteristic of Personality and a Measure of Its Study. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 21 (5), 16–22. (*in Russ.*).

Kraft Ebbing, Rikhard fon. (2013). *Sexual Psychopathy*. Knigovek, 2013. (*in Russ.*).

Sokolova E.T., Chechel'nitskaya E.P. (2001). *Psychology of Narcissism*. Uchebno-metodicheskii kollektor Psikhologiya Moscow. (*in Russ.*).

Tkachenko A.A. (1999). *Sexual Perversions — Paraphilias*. Moscow: Triada-Kh. (*in Russ.*).

Tkachenko A.A., Vvedenskii G.E., Dvoryanchikov N.V. (2001). *Forensic Sexology*. Moscow: Meditsina. (*in Russ.*).

Tkachenko A.A., Vvedenskii G.E., Dvoryanchikov N.V., Yakovleva E.Yu. Ambartsumyan E.S. (2002). Sexual Murders. In T.B. Dmitrieva, B.V. Shostakovich (Eds.), *Aggression and Mental Health* (pp. 224–253). Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Yuridicheskii tsentr Press. (*in Russ.*).

Khorni K. (2008). *Our Internal Conflicts. Constructive Theory of Neurosis*. Psychological Technologies Series. Akademicheskii proekt. (*in Russ.*).

American Psychiatric Association (1987). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (3rd ed., rev.). Arlington, VA.

American Psychiatric Association. (2013). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (5th ed.). Arlington, VA.

Amrhein R.L. (2018). A psychometric investigation of the comprehensive assessment of sadistic tendencies (cast): Evidence from factor analysis and item response theory. Thesis. <http://hdl.handle.net/2142/101098>

Bandura A. (2006). A murky portrait of human cruelty. *Behavioral and Brain Sciences*, 29 (3), 225–227.

Baughman H., Dearing S., Giammarco E., & Vernon P. (2012). Relationships between bullying behaviours and the Dark Triad: A study with adults. *Personality and Individual Differences*, 52, 571–575.

Beech A., Fisher D., & Ward T. (2005). Sexual Murderers' Implicit Theories. *Journal of interpersonal violence*, 20, 1366–89.

Bixby K., White J., & Lester D. (2019). The Characteristics of Sexual Sadists. *Journal of Psychiatry and Behavioral Health Forecast*, 2, Article 1009.

Book A., Visser B., & Volk A. (2016). Unpacking Evil: Claiming the Core of the Dark Triad. *Personality and Individual Differences*, 101, 468.

Brown J. (2018). *Sexual Sadism Disorder: An Introduction for Mental Health Professionals*. *Forensic Scholars Today*, 4 (1).

Buckels E. (2012). *The Pleasure of Hurting Others: Evidence for Everyday Sadism*. Thesis. University of British Columbia.

Buckels E. (2018). *The Psychology of Everyday Sadism*. Dissertation. University of British Columbia.

Buckels E., Jones D., & Paulhus D. (2013). Behavioral Confirmation of Everyday Sadism. *Psychological science*, 24.

Chabrol H., van Leeuwen N., Rodgers R.F., & Gibbs J.C. (2011). Relations between self-serving cognitive distortions, psychopathic traits, and antisocial behavior in a non-clinical sample of adolescents. *Personality and Individual Differences*, 51 (8), 887–892.

Chester D., DeWall C. & Enjaian B. (2018). Sadism and Aggressive Behavior: Inflicting Pain to Feel Pleasure. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 45 (8), 1252–1268.

Davies J., & O'Meara A. (2007). 'I consider myself sadistic': A qualitative analysis of sadistic endorsement in a group of Irish undergraduates. *The British Journal of Forensic Practice*, 9, 24–30.

de Aguirre M.I. (2006). Neurobiological bases of aggression, violence, and cruelty. *Behavioral and Brain Sciences*, 29 (3), 228–229.

Dinić B., Wertag A., Tomasevic A., & Sokolovska V. (2009). Centrality and redundancy of the Dark Tetrad traits. *Personality and Individual Differences*.

Embrescia, E.E. (2018). Everyday Sadism and Antisocial Punishment in the Public Goods Game: Is There Evidence of Gender Differences?

Furnham A., Richards S., & Paulhus D. (2013). The Dark Triad of Personality: A 10 Year Review. *Social and Personality Psychology Compass*, 7, 199.

Greitemeyer T., Weiß N., & Heuberger T. (2019). Are everyday sadists specifically attracted to violent video games and do they emotionally benefit from playing those games? *Aggressive Behavior*, 45, 206–213.

Johnson L.K., Plouffe R.A., & Saklofske D.H. (2019). Subclinical sadism and the dark triad: Should there be a dark tetrad? *Journal of Individual Differences*, 40 (3), 127–133.

Jonason P., & Zeigler-Hill V. (2018). The fundamental social motives that characterize dark personality traits. *Personality and Individual Differences*, 132, 98–107.

Jones D.N., & Paulhus D.L. (2017). Duplicity among the dark triad: Three faces of deceit. *Journal of Personality and Social Psychology*, 113 (2), 329–342.

Jones D.N., & Paulhus D.L. (2014). Introducing the Short Dark Triad (SD3): A Brief Measure of Dark Personality Traits. *Assessment*, 21 (1), 28–41.

Kirsch L.G., & Becker J.V. (2007). Emotional deficits in psychopathy and sexual sadism: Implications for violent and sadistic behavior. *Clinical Psychology Review*, 27 (8), 904–922.

Mededović J. & Petrovic B. (2015). The Dark Tetrad. *Journal of Individual Differences*, 36, 228–236.

Meloy J.R. (1997). The psychology of wickedness: Psychopathy and sadism. *Psychiatric Annals*, 27 (9), 630–633.

Meloy J.R. (1992). Violent attachments. Jason Aronson.

Mokros A., Osterheider M., Hucker S.J., & Nitschke J. (2011). Psychopathy and sexual sadism. *Law and Human Behaviour*, 35 (3), 188–199.

Muris P., Merckelbach H., Otgaar H., & Meijer E. (2017). The Malevolent Side of Human Nature: A Meta-Analysis and Critical Review of the Literature on the Dark Triad (Narcissism, Machiavellianism, and Psychopathy). *Perspectives on Psychological Science*, 12 (2), 183–204.

Nell V. (2006). Cruelty's rewards: the gratifications of perpetrators and spectators. *Behavioral and Brain Sciences*, 29 (3), 211–257.

O'Meara A., Davies J., & Hammond S. (2011). The Psychometric Properties and Utility of the Short Sadistic Impulse Scale (SSIS). *Psychological assessment*, 23, 523-31.

Paulhus D.L., & Jones D.N. (2015). Jones Measuring dark personalities via questionnaire. Measures of personality and social psychological constructs. In G. J. Boyle, D. H. Saklofske & G. Matthews (Eds.). (pp. 562–594). San Diego, CA: Academic Press.

Paulhus D.L., & Dutton D.G. (2016). Everyday sadism. The dark side of personality: Science and practice in social, personality, and clinical psychology. In V. Zeigler-Hill & D. K. Marcus (Eds.). (pp. 109–120). American Psychological Association.

Paulhus D.L., & Williams K.M. (2002). The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism and psychopathy. *Journal of Research in Personality*, 36 (6), 556–563.

Paulhus D.L., Curtis S.R., & Jones D.N. (2018). Aggression as a trait: the Dark Tetrad Alternative. *Current Opinion in Psychology*, 19, 88–92.

Persson B.N. (2019). Searching for Machiavelli but finding psychopathy and narcissism. *Personality Disorders*, 10 (3), 235–245.

Pfafftheicher S., Keller J., Knezevic G. (2017). Sadism, the intuitive system, and antisocial punishment in the public goods game. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 43 (3), 337–346.

Plouffe R., Smith M., & Saklofske D. (2019). A psychometric investigation of the Assessment of Sadistic Personality. *Personality and Individual Differences*, 140, 57–60.

Reidy D.E., Zeichner A. & Seibert, L. (2011). Unprovoked Aggression: Effects of Psychopathic Traits and Sadism. *Journal of personality*, 79, 75–100.

Rogers K.H., Le M.T., Buckels E.E., Kim M., & Biesanz J.C. (2018). Dispositional malevolence and impression formation: Dark Tetrad associations with accuracy and positivity in first impressions. *Journal of Personality*, 86 (6), 1050–1064.

Rogoza R., Ciecuch J. (2018). Dark Triad traits and their structure: An empirical approach. *Current Psychology*.

Russell M.J. (2019). A Functional Perspective on Everyday Sadism. Thesis. The University of New Mexico. https://digitalrepository.unm.edu/psy_etds/276

Russell T.D., King A.R. (2016). Anxious, hostile, and sadistic: Maternal attachment and everyday sadism predict hostile masculine beliefs and male sexual violence. *Personality and Individual Differences*, 99, 340-34.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ениколопов Сергей Николаевич — кандидат психологических наук, профессор, начальник отдела медицинской психологии Научного центра психического здоровья, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0615-6703>. E-mail: enikolopov@mail.ru

Атаджыкова Юлия Акмурадовна — младший научный сотрудник, отдел медицинской психологии Научного центра психического здоровья, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4987-8821>. E-mail: at.julia@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Sergey N. Enikolopov — PhD in Psychology, Professor, Head of Medical Psychology Department, Research Center Of Mental Health, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0615-6703>. E-mail: enikolopov@mail.ru

Julia A. Atadzhykova — Junior Researcher, Department of Medical Psychology, Center Of Mental Health, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4987-8821>. E-mail: at.julia@gmail.com